

и будутъ мучиться день и ночь во вѣки вѣковъ“ (Откр. 20, 10).

И послѣ Страшнаго Суда войны уже не будетъ: наступитъ царство Славы, „новое небо, и новая земля, на которыхъ обитаетъ правда“ (2 Петр. 3, 13), ибо зло окончательно уничтожено, „ибо прежнее небо и прежняя земля (грѣховная) миновали... И отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ (праведниковъ) и смерти не будетъ уже, ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ, ибо прежнее прошло“ (Откр. 21, 5). Священникъ села Богандинскаго *Герасимъ Шорецъ*.

Корреспонденція изъ с. Моршихинскаго.

Проводы о. Николая Бурова.

Во второй половинѣ января прихожанамъ Моршихинской Срѣтенской церкви стало извѣстно, что настоятель ихъ церкви о. Николай Буровъ переводится въ г. Курганъ настоятелемъ собора.

Носились слухи, что отъ поѣздки въ Курганъ онъ отказывается, что останется онъ здѣсь, — прихожане радовались, но слухи не оправдались, и скоро выяснилось, что послѣднюю прощальную литургію онъ будетъ служить 12 февраля, какъ разъ въ прощенный день. Узнали объ этомъ за два-три дня.

Прихожане заволновались; — хотѣлось ознаменовать проводы дорогого для нихъ батюшки — сдѣлать ему достойный подарокъ, но за краткостью времени довелось ограничиться тѣмъ, что оказалось возможнымъ сдѣлать — приобрѣли въ Курганѣ цѣнную икону Спасителя. Въ назначенный день народу въ церкви собралось очень много, церковь была полна народомъ, какъ никогда, да и не удивительно, столько лѣтъ онъ служилъ здѣсь, такъ много хорошаго сдѣлалъ для народа. Всѣ, кто нуждались въ матеріальной помощи, обращались къ нему и всѣмъ помогаль.

Случится ли у кого горе — идетъ къ батюшкѣ, онъ утѣшитъ, успокоитъ своими совѣтами и наставленіями. Въ семейной ли жизни выйдутъ непріятности, расскажутъ объ этомъ батюшкѣ съ великимъ довѣріемъ и надеждой, что онъ поможетъ, успокоитъ и устроитъ все. Былъ онъ добродѣтелемъ у всѣхъ и привыкли къ этому такъ, что какъ будто это такъ и быть должно и не думали никогда, что прійдется его лишиться. Но когда слухъ о переводѣ батюшки подтвердился, тогда ясно увидѣли, что теряемъ мы съ его отъѣздомъ, чего лишаемся мы, что утрачиваемъ дорогого для насъ наставника и во всѣхъ нуждахъ помощника.

Обѣдня кончилась, батюшка вышелъ сказать прощальные слова—проститься съ народомъ; въ это время раздался плачь и рыданія на всю церковь. Привожу подлинно его слова:

„Часто задумываясь надъ своимъ ближайшимъ будущимъ, я живо представлялъ себѣ сегодняшній день, день послѣдняго моего служенія, часъ прощанія съ вами, мои дорогіе. Мнѣ тогда ясно представлялось все, что я долженъ сказать въ послѣднее назиданіе вамъ и въ утѣшеніе себѣ. Но я никогда не могъ представить себѣ, что разставаніе съ вами будетъ такъ тяжело, такъ невыносимо тяжело... Мнѣ трудно... Ваши слезы лишаютъ меня послѣдняго самообладанія... Вашимъ рыданіемъ опустошена душа до дна... Сердце разорвано... Мысль не слушается и не складывается въ стройную рѣчь... Нѣтъ, я не могу говорить... Простите меня!“... Поклонъ и осѣненіе крестомъ вмѣсто возгласа (возгласа о. Николай не могъ произнести—ушелъ въ алтарь—не могъ владѣть собой... заплакалъ, зарыдалъ...). Довелось пропѣть разъ пять, шесть: Буди имя Господне“. Немного успокоившись о. Николай вышелъ служить молебенъ, ему былъ приподнесенъ и прочитанъ отъ лица прихожанъ слѣдующій адресъ:

Ваше Высокопреподобіе,

Достоуважаемый батюшка, отецъ Николай!

Ваше двадцатитрехлѣтнее служеніе у насъ и непрестанная работа о томъ, чтобы воспитать въ своихъ прихожанахъ истинно-вѣрующихъ христіанъ, въ которыхъ поддерживалась искра Божія Вашимъ дѣломъ и словомъ: Богъ—любовь“, сблизила насъ такъ, что трудно пережить одну только мысль: „разстаться съ Вами“.

Видя Вашу душевную искренность, Вашу неутомимую службу по приходу, Ваши сердечныя и внимательныя отношенія ко всѣмъ нуждающимся въ поддержкѣ и помощи, мы сердечно привязались къ Вамъ, какъ къ отзывчивому отцу и пастырю.

Многіе обращались къ Вамъ за совѣтомъ и помощію, никто никогда не ушелъ отъ Васъ обиженнымъ—всѣ были довольны и благодарны.

Если ужъ приходится Вамъ покидать насъ, то можно только грустить, а роптать не можемъ: ибо—судьбы Божіи неисповѣдимы. Высота Вашего положенія, практика и тактичность Ваша вызвали Васъ на болѣе широкое поприще: Вы отъ насъ уѣдете, но не изгладятся изъ памяти нашей воспоминанія о Васъ, они навсегда оста-

нутя въ душѣ и будутъ дороги для насъ. Вамъ предстоитъ новая жизнь и новыя большія заботы, быть можетъ Вы забудете о насъ, но мы искренне желали бы оставить память въ Вашемъ сердцѣ о нашей преданности; въ знакъ этого просимъ Васъ, досточтимый батюшка, принять отъ насъ, на многодневную память, эту святую икону и не забывать насъ грѣшныхъ въ своихъ молитвахъ.

Приносимъ Вамъ глубокую благодарность за Вашу отеческую заботу и отзывчивость, за все, за все—„сердечное Вамъ спасибо“. Просимъ Васъ, дорогой батюшка, простите намъ: много мы Вамъ причинили непріятностей за все это время—находились среди насъ и также, которые разстраивали Вашъ душевный покой, но просимъ Васъ великодушевно снизойдите къ намъ и простите!“

Отецъ Николай, видимо преодолѣвъ себя, сквозь слезы, въ отвѣтъ на адресъ началъ такъ: „Да, дѣйствительно—Богъ, вѣра, любовь, да еще надежда красной нитью шли по моимъ проповѣдямъ—ихъ воспитывалъ я въ васъ, ихъ же воспитывалъ я въ себѣ, а почему? Да потому, что эти три добродѣтели христіанскія, составляя сущность и залогъ добраго истинно-христіанскаго сожительства имѣли для меня глубокое значеніе—приносили всегда мнѣ великую пользу.“

Въ минуты тоски безпредѣльной, въ часы, когда сомнѣніе глодаило сердце—спасла меня вѣра; укрѣпляла надежда на помощь Божию. Когда возникала для меня непреодолимая трудность, когда клевета приковывала меня къ позорному столбу, когда, наконецъ, чувство обиды властно звало меня ко мщенію, къ горестному упреку, спасала меня любовь. Любовью я прощалъ обиду, любовью поборалъ себя,—я вѣрилъ, что любовь должна быть взаимной и вѣрилъ, что ваша любовь ко мнѣ побѣдитъ желаніе обидѣть меня; и моя вѣра, моя надежда, моя любовь ни разу меня не обманули, ни разу не оставили безъ великой благодатной помощи, безъ истиннаго и желаннаго утѣшенія. Вотъ, по личному опыту зная какое великое значеніе имѣютъ: вѣра, надежда и любовь, я старался учить васъ имъ, воспитывалъ, какъ сказали въ своемъ обращеніи, ихъ въ васъ. И я безконечно счастливъ въ эту торжественную минуту, когда подносите вы мнѣ этотъ образъ Бога Господа,—образъ божественной, всепрощающей, готовой на жертву любви. Благоговѣнно приѣмлю, трепетно преклоняюсь предъ этимъ образомъ... Земно кланяюсь и вашей любви, давшей мнѣ утѣшеніе. Позволяю себѣ, во

имя взаимной любви, благословить, осѣнить васъ этимъ святымъ образомъ, который останется у меня въ молитвенную память о васъ“ ... „Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ“ ... Начался молебенъ, во время котораго, послѣ Евангелія, священникомъ отцомъ Александромъ Серебрянниковымъ, была сказана слѣдующая рѣчь:

Ваше Высокопреподобіе,

Достоуважаемый отецъ Николай!

Большое святое счастье выпало на мою долю высказать Вамъ свою признательность, за совмѣстное двадцати-двухлѣтнее служеніе съ Вами, здѣсь въ селѣ Моршихинскомъ. Всѣмъ намъ здѣсь извѣстно, что Вы волею начальства, перемѣщаетесь отсюда въ г. Курганъ. Теперь ясно становится, что не одинъ темный, деревенскій людъ призывалъ Васъ къ себѣ на помощь, а видно, что возлагаются на Васъ большія надежды и начальства и болѣе образованнаго общества. Прошу принять мои слова за истинную признательность. Съ Вашимъ отъѣздомъ, я утрачиваю въ Васъ человѣка, который былъ для меня руководителемъ при началѣ моей службы; утрачиваю въ Васъ начальника, всегда корректнаго и тактичнаго къ своимъ подчиненнымъ, умѣющаго держать себя на своемъ посту; утрачиваю сослуживца, съ уравновѣшеннымъ характеромъ, всегда готоваго къ услугамъ и снисходительнаго къ слабости людей. Простите,—лучше не умѣю сказать. Вы уѣдете, а здѣсь останутся о Васъ самыя, свѣтлыя воспоминанія—увѣряю Васъ въ этомъ, прошу Васъ простите меня, дорогой отецъ Николай, за мои недостатки, за мои немощи, за мой иногда неровный характеръ. Я зла въ своемъ сердцѣ никогда не носилъ и не ношу, такъ мнѣ заказали отецъ и мать, простите меня и не оставляйте въ своихъ молитвахъ!“

Сначала отецъ Александръ началъ говорить громко, отчетливо, но потомъ голосъ его сталъ слабѣе, слезы душили его, послѣднія слова онъ съ трудомъ договорилъ...

Въ отвѣтъ на рѣчь о. Александра, отецъ Николай сказалъ слѣдующее:

„Дороги наши теперь расходятся, Богъ знаетъ соприкоснется ли еще когда наша жизнь; въ такихъ случаяхъ люди не льстятъ; но не поэтому, а по глубокой увѣренности въ вашемъ ко мнѣ расположеніи, вѣрю вашей искренности, вѣрю, что сказали вы слова эти отъ сердца. Благодарю. Прошу во имя нашей совмѣстной службы, во имя того, что расцвѣтъ вашей семейной жизни и начало

вашего служенія прошло въ этомъ храмѣ, предъ этимъ святымъ престоломъ, во имя всего святого, дорогого намъ обоимъ, скажите моему преемнику, чтобы любилъ онъ этотъ храмъ славы Бсжіей и источникъ нашихъ радостей. Скажите, чтобы не обольщался славою—приходъ нашъ далеко не богатъ, храмъ же требуетъ постояннаго ремонта. Отъ него потребуются усилія, много старанія и терпѣнія, но чтобы онъ это дѣлалъ во славу Божию. Знаете вы, что условія приходской жизни здѣсь за 23 года моей службы приняли своеобразный характеръ. Пусть онъ потерпитъ, пусть не ломаетъ сразу ничего. Пусть полюбитъ такихъ, какъ есть, а потомъ уже исправляетъ. Вы знаете всѣ порядки наши, жизнь нашу семейную-приходскую—скажите ему, я его знаю: онъ честенъ, глубоко религіозенъ, весьма уменъ, онъ опытенъ, онъ, во многихъ мѣстахъ служилъ, и ваше слово приметъ, и насъ утѣшитъ, и малымъ симъ будетъ сугубо любезенъ, пріятенъ и понятенъ. Что же касается, сказаннаго вами въ похвалу моему недостоинству, скажу вамъ великое спасибо, что жило и живетъ въ васъ снисхожденіе къ моей слабости, которая никогда за собой заслугъ не знала, и часто, охъ часто искренне сознавала свои промахи и проступки передъ вами.

Спасибо вамъ за прошлое, впередъ спасибо вамъ за то, что сдѣлаете вы для сихъ мнѣ милыхъ и родныхъ“. Затѣмъ о. Николай обратился къ церковному старостѣ со слѣдующими словами:

Уважаемый Петръ Александровичъ!

Вы, какъ церковный староста, много потрудились для блага народнаго: заботились Вы о храмѣ—старались пріобрѣсти средства на ремонтъ и украшеніе, а такъ же много производилось поправокъ въ причтовыхъ домахъ, благодаря Вашей дѣятельности—особенно въ домѣ псаломщика. За Вашу доброту, за Вашу заботу дай Богъ Вамъ вмѣсто тлѣннаго, получить нетлѣнное—заслужить Вамъ царство небесное. Относился я къ Вамъ всегда съ любовью и уваженіемъ;—благодарю Васъ за все хорошее“.

Церковный староста въ знакъ благодарности—отвѣсилъ глубокой поклонъ. По окончаніи молебна было произнесено и пропѣто многолѣтіе: „Царствующему дому, Святѣйшему Правительствующему Синоду, Высокопреосвященному Архіепископу Варнавѣ. А убіеннымъ воинамъ—прихожанамъ храма, была произнесена и пропѣта: „Вѣчная память.“

Ктитору, попечителю, прихожанамъ храма и всѣмъ предстоящимъ и молящимся: „Многая лѣта.“

Затѣмъ отецъ Николай, по христіанскому обычаю, началъ съ народомъ прощаться—всѣ подходили ко кресту и прощались со слезами на глазахъ, а онъ въ утѣшеніе говорилъ назидательныя слова.

Все вышло очень хорошо, по сельски:—такъ, торжественно былъ отслуженъ молебенъ; отецъ Александръ С., отслуживши въ своей церкви, пришелъ передъ началомъ молебена—и приподнесена икона церковнымъ старостой, около котораго стояли старшина волостной и сельскіе старосты со знаками на груди.

Служба кончилась, кончилось и прощаніе батюшки съ народомъ, онъ ушелъ въ алтарь, а народъ изъ церкви все еще не расходился—не хотѣлось идти домой, тяжело было мириться съ мыслью: что больше отецъ Николай служить не будетъ у насъ. Сколько ни стояли, а пришлось уходить и помнить въ утѣшеніе себѣ:

„Не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велить.“

Прихожанинъ.

Письмо въ редакцію псаломщика Моршихинской Срѣтенской церкви.

М. Г. Г. Р.

Краснорѣчіемъ я не обладаю. 1917 года 12 фев. прихожане Моршихинской Срѣтенской церкви провожали дорогого своего батюшку о. Николая. Служилъ онъ въ прощенное воскресенье послѣднюю обѣдню, сколько было горя и слезъ не описать мнѣ, да и какъ не оплакивать такого пастыря и отца. Сколько добра онъ сдѣлалъ, особенно сиротамъ и солдаткамъ, совѣтами и деньгами и рабочими силами, всячески оказывалъ помощь, особенно въ страдное время. Случалось что неладно,—куда пойдешь? Къ батюшкѣ.—Вотъ объ этомъ то и плачетъ народъ. Въ послѣдній день отъѣзда одна старушка говоритъ батюшкѣ: „ты, вотъ, уѣзжаешь, я какъ буду женить сына, кто мнѣ денегъ дастъ, а батюшка и говоритъ ей—„съ Божіей помощью женимъ, я не загорами буду,“ значитъ и при отъѣздѣ нѣтъ отказа. Добрый пастырь душу полагаетъ за овцы своя. Служа 23 года онъ зналъ стараго и малаго и всѣ шли къ нему и не было никому отказа. Съ 7 час. утра у него всегда уже народъ и до самаго вечера и надо каждому дать совѣтъ.